

К пятидесятилетию блаженной кончины протоиерея Владимира Шамонина

Цикл статей

50 лет назад, утром 3 декабря 1967 г. в канун Введения во Храм Пресвятой Богородицы отошёл ко Господу на 86-м году жизни подвижник и молитвенник протоиерей Владимир Александрович Шамонин. Он – настоящая гордость и сокровище Спасо-Парголово́вского прихода. Вот уже полвека о нём не забывают богомольцы двух храмов Шуваловского кладбища и перед его могилой, недавно отреставрированной и обихоженной заботливыми руками прихожан, служатся панихиды.

Этот кроткий и добрый пастырь заслужил признательную память, и мы верим, что он молится за нас пред Престолом Божиим. Жизнь его поучительна и интересна, кроме того, в ходе архивных исследований и в свежих публикациях открываются новые факты, с которыми мы и познакомим вас. Поэтому автор решил не ограничиться одной юбилейной публикацией, но открыть ею целый цикл статей, посвящённых о. Владимиру.

Часть 1.

Почти 17 лет, с 1944 по 1961 год протоиерей Владимир Александрович Шамонин служил в Спасо-Парголово́вском храме, а с 1961, после инфаркта, был «на покое», сослужа духовенству прихода по мере сил, но всё реже и реже. В последние годы так обострились у него заболевания ног, что даже ради краткого пути от дома до храма приходилось вызывать такси, а потом он уже и вовсе не смог присутствовать на богослужениях. Но всё это время алтарницы и служительницы храма, духовные чада, прихожане, горячо любившие батюшку со времён его служения, не забывали его. Он жил в двух шагах от храма, занимая с дочерьми – Зоей и Верой – и матушкой Варварой, скончавшейся в 1961 г., половину небольшого деревянного домика на Партизанской улице Первого Парголова, там, где сейчас возвышаются новостройки последнего десятилетия, и куда приходили самые верные его почитатели.

Прощание прихода со своим пастырем добрым пятьдесят лет назад превратилось в выражение глубокой к нему сердечной любви и благодарности. Вот как описывает эти события его дочь Зоя в своих воспоминаниях, опубликованных в книге «Петербургский Батюшка. Жизнь, служение, творчество протоиерея Владимира Шамонина»:

«После ранней обедни пришли прихожане навестить батюшку. Вскоре известие о кончине отца Владимира дошло до настоятеля, и все услышали с колокольни 12 одиноких печальных ударов колокола. Народ побежал к нам.

Двери я не закрывала. Все быстро входили, на ходу снимая и бросая в прихожей на пол пальто. Я боялась плача, криков, причитаний, суеты. Но никому и в голову не пришло это: все останавливались, поражённые его видом, особенно лица.

Стояли неподвижно, любясь нездешней красотой, и только потом начинали креститься, целовать на нём одежды.

Три священника во главе с настоятелем пришли облачать тело... Жаль было особенно вынимать горящую свечу из крепко державшей её руки. Когда кто-то взял свечу, рука, не выпуская её, потянулась за ней.

Когда батюшку перенесли в столовую, где на двух сдвинутых столах поверх белой скатерти разложили ризу (фелонь), в которую и одели, закончив облачение, солнце, показавшееся из-за тучки, осветило всю фигуру покойного и комнату. Кто-то сказал: «Вот как солнышко встречает батюшку»...

Торопясь (было воскресенье, время между ранней и поздней Литургией),

начали служить панихиду. Так пламенно, ошутимо, искренне звучала для нас эта панихида, как заботливое приветствие — напутствие ему, только что ушедшему от нас в Вечную Жизнь.

Целый день шли люди, подходили к телу, с любовью окружали его, я открывала воздух и показывала всем лицо, с благоговением смотрели, любясь и молясь.

Папа мёртвый, нарядный, светлый, большой, заполнял почти всю комнату (столовую). Целый день возле него были люди. Входя со слезами, они — как только подходили к телу — успокаивались, а когда поднимали воздух — они сразу затихали в восхищении. Читали Евангелие по очереди, кто как мог; многие — хорошо, чётко, а многие по складам (путь-тась). Люди молились и кланялись телу, целовали кресты, руки ноги, облачение. А священников так и не было; ни один не пришёл, и приготовленные епитрахиль с кадилом так и провисели на стене около портрета отца Иоанна Кронштадтского. Ни маститых батюшек-товарищей, ни горячих молодых поклонников из духовенства и студентов, ни сослуживцев, ни диаконов, ни чтецов, ни певчих, — никого.

Зазвонили колокола на всенощную — под праздник Введения Божией Матери во храм. Дома готовился вынос, о чём мы, дочери, предупредили заранее: батюшка завещал вынести его тело в храм в день смерти.

Вдруг прибежал отец Григорий из храма, суетливый, взволнованный, даже не поклонился телу, а сразу в передней сказал: «Я по поручению настоятеля — не по своей воле, мне велено сказать, чтобы сегодня не приносили, а завтра утром; и чтобы не несли гроб, а наняли машину. Это он, а не я, это я, а не он говорю!» (запутался). Не дал спросить почему, не дал даже слова сказать, сразу останавливал жестом и звуком: «Чи-чи!» Стал решительно предупреждать: «Духовенство не встретит, все домой ушли. Храм будет закрыт, сторожа нет, на шоссе большое движение».

Станным показалось его поведение. Даже обиды не было, а только удивление и какой-то страх...

И вдруг — отец Николай Ишунин! Робко, несмело заглядывает в дверь; через незастегнутое пальто видна одетая епитрахиль, из-под пальто — ряса, на голове скуфейка. «Можно теперь и мне отслужить панихиду около тела отца Владимира? Кто из духовенства здесь последний?»

Он думал, что у нас очередь из желающих служить панихиды, и нарочно появился, когда все разойдутся. Он-то, отец Николай, такой нужный в этот момент, и отслужил боль-

шую торжественную панихиду, и один сделал вынос!

Был одиннадцатый час вечера.

Первый лёгкий морозец и первый чистый снежок. Тихий светлый вечер. Толпа народа с горящими свечами пела: «Святой Боже». Тело вынесли на белой скатерти. Белый шелковый гроб стоял в саду на специальной подставке, около садового столика под берёзами. Положили батюшку в гроб, надели митру. Открыли ворота. Торжественно было это шествие. Впереди шла Анна Андреевна с большим медным крестом в руках (сначала прятала его под пальто, а потом несла свободно). Вслед за ней домашние наши помощники в белых платках на головах несли крышку гроба на своих плечах; и, наконец, открытый гроб, который вместе с отцом Николаем несли все по очереди. Никто не встретился на пути, было тихо и безлюдно. Всю дорогу пели «Святой Боже», и свечи в руках горели спокойным пламенем.

Мы по очереди держали свечу, с которой папа умер. Издали видели движение машин по шоссе. Как только процессия подошла — движение замерло — пустота, свобода. И как только перешли шоссе, опять машины заездили взад-вперед, будто невидимый регулировщик управлял этим потоком.

Как только мы приблизились к входу на кладбище, отовсюду выскочили прятавшиеся люди и слышались слова: «Несут, несут! Вот видите — хорошо, что мы не поверили и остались». Из этих людей, встречавших от ворот до храма, образовалась новая толпа, и в ней, будто сами собой, зажгались свечи (приготовленные заранее). Навстречу бросились люди со стороны малого храма (тоже прятавшиеся), зажигая свечи и присоединяясь к нам. Весь народ окружил гроб, все пели «Святой Боже». Сторожа, какие-то растерянные, открыли широко церковные двери, засуетились, постелили ковер, принесли катафалк и покров.

Духовенство, тоже растерянное и даже испуганное, вышло из алтаря, на ходу поправляя на себе облачение; и певчие были — притаились на хорах, но когда служили панихиду — их не было слышно, потому что, заглушая их, пел весь народ, громко и старательно. В этом смятении даже не поставили крест запрестольный в ногах гроба — сбывались папины слова (батюшка предсказал это). Только потом, когда после панихиды народ подходил к гробу, подолгу останавливаясь, молясь, кланяясь, целуя руки и кресты (тут уже не останавливали, не торопили), многие заметили, что не поставлен запрестольный крест, и сказали об этом. Алтарница, смущённая, вынесла крест и поставила.

Народ захотел остаться на ночь, и никто не противоречил этому.

Настоятель немного почитал над гробом Евангелие, все служащие ушли, а прихожане всю ночь читали Евангелие и пели.

На следующий день — праздник Введения во храм Приснодевы Марии; служили две Литургии. Гроб опять хотели куда-то отодвинуть, но опять люди не позволили. И он остался посередине. Храм был полон, и некоторые, не знавшие о печальном событии, удивлялись, что в храм не понасть, уезжали в другие церкви...

И вторую ночь прихожане оставались в храме — читали, пели, молились. Включали утюг, чтобы разгладить смятую за день отделку гроба с обеих сторон, — ведь целыми днями народ так и шёл к гробу; несли детей, вели старых, больных, слепых. Какие-то новые силы помогали людям дни и ночи находиться у тела батюшки в бодром и возвышенном состоянии...

Из воспоминаний Зои Владимировны Шамониной (1914-1985) видно, как глубоко почитали батюшку, и как опасно относилось к его памяти духовенство в эти суровые годы, когда только-только окончились хрущёвские гонения на церковь. Это опасение объясняется просто — похороны старенького, немощного батюшки превратились в большую публичную демонстрацию веры и любви к настоящему Пастырю, которая могла повлечь за собой неприятности со стороны власти. А ещё — в то время власти особенно нравилось слабое в вере духовенство, совершавшее ошибки и промахи, которые так хорошо было использовать в антирелигиозной пропаганде. О. Владимир Шамонин был из таких священников, на ризе которых невозможно было отыскать ни одного тёмного пятнышка. Он был одновременно стоек в вере и готов к гонениям и притеснениям, и, при этом, тих и кроток. Он без ропота переносил все тяготы жизни, а их было — немало...

(продолжение следует)

Олег Куликов

